

## ВО ГЛАВЕ АКАДЕМИИ. НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ ЗА СВОИ ПРАВА (1746 г.)

Анализируется неизвестный эпизод из истории становления российской науки и русско-западноевропейских научных связей второй четверти XVIII в. Два десятилетия продолжалась борьба ученых Петербургской Академии наук с российской бюрократией, прежде чем им удалось взять верх. Одним из незабываемых эпизодов стала весна 1746 г., когда, уступив давлению ученых, правительство вынуждено было передать им управление Академией. Подробно анализируются сенатский указ от 6 марта 1746 г., историческое заседание академической Конференции от 10 марта 1746 г., борьба ученых с академической бюрократией в условиях изменившегося баланса сил.

**Ключевые слова:** Петербургская Академия наук; корпоративное движение ученых; демократическое движение; бюрократия.

Автору этих строк уже доводилось писать о корпоративном движении в Петербургской Академии наук [1]. Два десятилетия продолжалась борьба, прежде чем российской бюрократии (правительственной и академической) удалось заставить ученых подчиниться порядку управления, принятому в Российской Империи. Противостояние изобиловало яркими сценами, бескомпромиссными столкновениями характеров, личностей, судеб, взлетами и падениями героев драмы. Одним из незабываемых эпизодов стала весна 1746 г., когда, уступив давлению ученых, правительство вынуждено было передать им управление Академией. Эта страница истории русской науки до сих пор остается неизвестной. 6 марта 1746 г. в Академию поступил указ, которому суждено было стать историческим. Он передавал управление Академией в руки ученых. Члены правительствующего Сената, говорилось в нем, «по экстракту, учиненному... по доношениям академии наук и астрономии профессора Делиля, приказали»: Пока не последовало распоряжения на поданный из сената в кабинет специальный доклад, «что в той академии до наук и им принадлежащих вещей касается, то поручить ведать и смотреть и исправлять обще в собрании всем профессорам, и что ж до каждого особо принадлежать будет, со всяким радением, без упущения. И для того и служителям тех наук быть у них же, профессорам, а канцелярии академической ныне, что до наук принадлежит, им, профессорам, не тоию какого помешательства, но всякое по их требованиям чинить вспоможение, без продолжения времени...» [2. Т. 8. С. 48–49].

С августа 1728 г., когда борьба только начиналась, до марта 1746 г., когда передача власти ученым стала свершившимся фактом, прошло восемнадцать лет. Все эти годы идея самоуправления продолжала жить. Конечно, в разные годы к ней относились по-разному. Ученые первого призыва, приехавшие в Россию в середине – второй половине 1720-х гг., всегда активно защищали ее. В январе 1729 г. они подготовили даже специальный манифест, в основу которого были положены демократические принципы организации управления научным учреждением. Ученые, работавшие в Академии в 1730-е – начале 1740-х гг., относились к вопросам самоуправления с известной долей скептицизма. Их устраивали президенты, создававшие видимость демократического правления; добиваться же большего они не считали нужным. С начала 1740-х гг. идея самоуправления вновь становится популярной. К этому времени жизнь в Академии в очередной раз

круто изменилась. Бюрократические силы полностью возобладали. Канцелярия стала руководить не только вспомогательными службами, но и собственно Академией – профессорским Собранием. Бюрократический контроль стал тотальным. К этой главной проблеме добавились новые: отсутствие президента и хроническое безденежье. Взрыв наступил, когда после нескольких лет тяжелейшего кризиса решение не было найдено. Ученые и часть академических служащих решили покончить с господством бюрократии и объединились. Их петиции в Сенат, в которых требование самоуправления звучало главной нотой, а также продолжавшееся почти год практическое сопротивление с бюрократией в стенах Академии достигли цели: правительство отступило. Оно оказалось перед реальной угрозой потери Академии. Это была вынужденная, противоестественная мера, пойти на которую правительство заставили. Как и в остальном мире, демократические формы жизни в России утверждались в борьбе.

Уступая профессорам, правительство открывало путь чуждым для России общественным идеям и отношениям. Впервые в российском обществе, целиком состоявшем из дворянско-бюрократических институтов, появилось учреждение (государственное учреждение!), основанное на демократических принципах управления. Было чему изумляться современникам и очевидцам! Это был нонсенс, дерзкий вызов всему социально-политическому строю России. Наверху это скоро поймут и, после некоторых колебаний, повернут вспять. Однако это случится позднее. Обеспокоенные напряженной ситуацией сенаторы делали все для того, чтобы спасти Академию. Другие пункты указа – всего их пять – касались почти исключительно Ж.-Н. Делиля и являлись, очевидно, ответом на его петиции от октября 1745 г. В них речь шла об условиях нового контракта, который ученый намеревался заключить с Академией [2. Т. 7. С. 556–557, 659, 669]. Ученому добавлялись к жалованью 600 руб. «на квартиру, дрова и свечи» (как дословно было сказано в документе), о которых отныне он должен был заботиться самостоятельно, и выдавались 300 руб. на обустройство обсерватории. Кроме того, обещано было всемерное содействие в обеспечении нормального функционирования астрономического «хозяйства», которое поручалось заботам академической Канцелярии. Канцелярии от строений вменялось в обязанность произвести – опять же по представлениям ученого – необходимый ремонт обсерватории, а самому профессору – «доложить» Сенату, «каким образом о том департаменте учредить

надлежит» и что необходимо для соответствующего развития географической науки в Российской империи. Наконец, Делилю предлагалось уведомить французского короля о том, что он остается в России еще на один срок, согласно новому контракту [2. Т. 8. С. 49–50].

Особо подчеркнутое значение, придававшееся донесениям французского ученого, а также то, что большая часть указа была посвящена именно ему, говорило об исключительной роли Делиля в событиях 1745–1747 гг. И в предыдущих и в этих событиях он играл роль вождя [1. С. 94–96]. Подписывая указ о передаче власти профессорам, сенаторы проявили большую осторожность. Во-первых, ограничив полномочия академической бюрократии, они не лишили ее власти совсем. Во-вторых, – и это главное – они придали документу временный характер, оговорив срок его действия – до принятия соответствующего решения Кабинетом. Это были настораживающие моменты, на которые следовало обратить внимание. Однако тогда, под непосредственным впечатлением от произошедшего, ученые едва ли сделали это. 7 марта Делиль представил копию сенатского указа в Собрание [3. С. 122], и страсти закипели. Как свидетельствует протокол, в том же заседании было принято решение уведомить академическую Канцелярию, чтобы отныне она не вмешивалась в дела, «близко или отдаленно относящиеся к наукам» [Там же]. Однако и этого показалось недостаточно. Ученые потребовали, чтобы Канцелярия непременно передала в архив Конференции самый оригинал сенатского указа, и тут же отправили копииста И.-Л. Стафенгагена к ее директору И.-Д. Шумахеру. И, как оказалось, напрасно. Курьер вернулся ни с чем. Шеф академической Канцелярии велел передать Собранию, что «оригиналы указов... выдавать запрещено» [Там же].

10 марта ученые собрались в зале Конференции раньше обычного – в 8 часов утра (против принятых в обычных случаях 10 часов). Ни адъюнкты, ни другие лица, которые (как, например, тот же Шумахер) имели право посещать заседания, в Собрании не присутствовали [3. С. 123]. Заседание было закрытым. В повестке стоял один вопрос: каким образом следует организовать управление Академией в свете последнего решения Сената. Г.-Ф. Миллер, взявшийся исполнить постановление последнего заседания Конференции в части письменного уведомления Канцелярии, предложил разграничить полномочия между ведомством Шумахера и Собранием профессоров. Проект письма, который он предложил вниманию коллег, был составлен в строгом соответствии с сенатским указом [Там же]. Однако ему возражали профессора Делиль и В.К. Третьяковский, считавшие целесообразным пойти дальше – взять на себя управление не только научными, но и экономическими делами Академии. С этой целью они предложили направить кого-либо из членов Собрания «в народ» – Канцелярию и другие академические подразделения, с тем чтобы убедить их служащих в предпочтительности власти профессоров. Делиль ссылаясь на письма, которые посылал в Сенат и в которых ставил условия своего дальнейшего пребывания в России. В них, по его словам, он между прочим написал, что «не останется в академическом рабстве, если все правление Академией, как в тех делах, которые касаются науки,

так и тех, которые касаются экономики, не будет поручено Собранию» [3. С. 123]. Это было смелое заявление. Как бы далеко ни заходили профессора в критике академической или правительственной бюрократии, они никогда не позволяли себе выражений наподобие приведенных. «Академическое рабство» («servitius Academicis») – это было сильно сказано. Не случайно именно Делиль стал автором этого выражения, очень точно отражавшего положение ученых в Петербургской академии. Впоследствии, уже покидая Россию, ученый «подарит» российской бюрократии еще одно ставшее крылатым выражение – «причудливое сообщество» («corps phantasque»), которым он обозначит уже самую Петербургскую академию как собрание людей, не знающих чего они хотят и что делают (чем вызовет у академической администрации новый приступ жгучей ненависти). Достойный представитель свободолобивого Запада, Жозеф-Никола Делиль был борцом за свободу науки российской. В России его имя помнили долго.

Примечательно, что союзником Делиля в столь важном вопросе, каким являлся вопрос о власти, выступил русский ученый В.К. Третьяковский (что в известном смысле явилось неожиданностью). Задавленный нуждой и семейными заботами, профессор никогда не отличался радикализмом взглядов. И вот наряду с Делилем Третьяковский требует полной ликвидации (ибо именно таков был смысл заявления) власти академической Канцелярии! Даже профессора Г.-Ф. Миллер и М.В. Ломоносов, которые после поражения движения станут главными борцами за академические свободы, не нашли в себе смелости подняться до требований, которые поддержал этот новый, назначенный «сверху» член академического Собрания. Воистину развитие событий в Академии таило немало сюрпризов. По всей видимости, именно эта солидарность русского ученого, проявленная в столь ответственный момент, явилась причиной того, почему Делиль, уже покинувший Россию и поклявшийся не иметь дела с теми из профессоров, которые «постыдно подчинились» академической бюрократии (подробнее об этом рассказывается в готовящейся к изданию нашей монографии), сделал для Третьяковского исключение – почтил его исполненным дружеских чувств письмом [4. С. 54–57]!

Собрание не поддержало «радикалов». Выслушав оппонентов, ученые решили, что в соответствии с указом Сената они не должны вмешиваться ни в какие дела, кроме научных. Поэтому проект письма Миллера был принят «за основу», в него внесли лишь некоторые (не менявшие, как мы увидим ниже, существа дела) поправки.

Спустя два часа в Собрание пришли адъюнкты Х. Крузиус и С.П. Крашенинников, и работа продолжилась уже в открытом режиме. Крузиусу членами Собрания был задан вопрос, серьезно ли его намерение вернуться на родину и нет ли таких причин, которые побудили бы его остаться в академической службе? Адъюнкт ответил: в Германии ему были предложены такие условия, что он без колебаний должен был бы предпочесть их своему настоящему положению. Однако он готов отказаться от выгод и «приложить все усилия как в продвижении наук, так и в наставлении юно-

шества», если получит должность профессора «с соответствующей прибавкой жалованья». В ближайшем заседании Конференции ученый обещал представить соответствующее письменное заявление [3. С. 123].

Крузиус давно добивался профессорской должности (соответствующее прошение от ученого поступило в профессорское Собрание еще 3 мая 1745 г.). Попытки решить вопрос через академическую Канцелярию (которая должна была в соответствии со своим статусом передать решение Академии в правительство) ни к чему не привели. Шумахер, по всей видимости, не был уверен в Крузиусе и не хотел умножать число своих врагов опрометчивым решением. Тогда адъюнкт обратился в Собрание и стал добиваться решения своего вопроса через него. С тех пор будущее Крузиуса оказалось прочно связанным с участием в движении (на успех которого он, как и другие ученые, возлагал самые сокровенные надежды). Задавая теперь адъюнкту конкретный вопрос относительно перспективы работы в Петербургской академии (а не в Германии, куда его звали), ученые хотели знать, надо ли им хлопотать дальше, чтобы получить в свою компанию еще одного члена, который уже проявил себя борцом с бюрократией, или нет. То, что Крузиус дал согласие остаться в Петербурге, свидетельствовало о его готовности играть в событиях именно ту роль, которую ему отводили в своих планах профессора. И, действительно, став профессором, ученый покажет себя достойным противником шумахерского режима. К.Г. Разумовский признавался впоследствии, что Крузиуса уволил «безвременно» за то, что тот «не токмо к пользе и приращению» Академии ничего делать не стремился, но, напротив, намерения его «совсем... в противность» обращал. Имя ученого президент ставил в один ряд с именем главного возмутителя спокойствия в Академии – Делиля [5. Т. 1. С. 363; Т. 2. С. 136–137].

В 11 часов в Собрании появился Шумахер и зачитал сенатский указ. Однако когда шеф академической Канцелярии окончил чтение, ему было заявлено, что «указ... академиком уже известен и что они уже приняли решения по делам, которые необходимо совершить по силе этого указа...» [3. С. 123]. Ученые не упустили случая попенять Шумахеру, как «нехорошо» он поступил, отказавшись обсудить решение Сената «с Академией» в прошлую среду, когда состоялось очередное заседание Конференции. Имелся в виду, видимо, неудачный визит в Канцелярию Стафенгагена. Он, Шумахер, не должен был скрывать сенатский указ, поскольку тот «адресован был не Канцелярии, а Академии». Словом, впредь все указы, которые поступают в Канцелярию, Шумахер должен представлять «в академическое Собрание» [Там же]. Как видим, это уже прямое распоряжение в адрес ведомства, которое до сих пор являлось руководящим. Теперь противоборствующие стороны поменялись местами. Конференция приказывала, а Канцелярия должна была исполнять приказание.

Услышав приговор, шеф академической Канцелярии попытался было возразить: «*Он не намерен получать распоряжения из академического Собрания в Канцелярии, но будет всегда присутствовать в Собраниях сам, чтобы члены Академии могли излагать ему*

*то, что сочтут достойным сообщить, устно*» (выделено мной. – В.Т.) [3. С. 123–124]. Однако, как свидетельствует протокол, возражения не были приняты; в результате было решено направлять распоряжения именно в Канцелярию, причем непременно в письменной форме. А это уже дело советника, передавал слова ученых протокол, – «принимать их или нет» [Там же. С. 124].

Непринципиальный, на первый взгляд, вопрос – в Канцелярии или в Конференции получать распоряжения, в устной или в письменной форме – в действительности имел самое что ни на есть принципиальное значение. Шумахер был опытным, искушенным в бюрократических тонкостях чиновником, одолеть которого на его «поле» было непросто. Тем более на поле процессуального крючкотворства, где он был особенно силен (и где, заметим сразу, ученым еще только предстояло себя проявить). Допусти члены Собрания какой-нибудь промах, который повлек бы за собой разбирательство с участием правительственных инстанций (что в Академии случалось регулярно), они ничего не смогли бы доказать, если бы не имели на руках таких веских аргументов, как официальные документы. Ученые хорошо изучили Россию и еще лучше – Шумахера. Шеф академической Канцелярии не только не держал слово, но и способен был на иные, более «тяжкие» преступления. Тот же В.К. Тредиаковский, например, свидетельствовал, что Шумахер «уже не впервые вставляет в канцелярские резолюции ложные и самопроизвольные резоны». И это, заявлял ученый, «я, ежели потребуется, докажу твердо так, что Гд[-]ну Советнику надобно будет необходимо быть безответну» [5. Т. 2. С. 176–177]. На нечистоплотность Шумахера как чиновника указывал также Ж.-Н. Делиль [6. С. 44].

Верить Шумахеру теперь, после всего, что случилось в Академии в последние годы и свидетелями чему они стали, ученые, конечно же, не имели права. Поэтому-то и было принято столь жесткое решение по, казалось бы, пустяковому вопросу – направлять ли распоряжения академического Собрания в Канцелярию в письменной форме или же отдавать их Шумахеру устно. В первом варианте (который был принят) они могли изготавливать копии распоряжений и передавать их на хранение в архив Конференции. Ученые, как видим, серьезно готовились к управлению Академией (которое – они это знали – не будет простым). И не напрасно.

Почувствовав, что проиграл, Шумахер пошел на попятную. В том же заседании он пообещал, что впредь все сенатские указы «будет сообщать Академии» и стал оправдываться, почему последний сенатский указ не передал профессорам. Оказывается, шеф академической Канцелярии с некоторых пор отказался от заведенного ранее правила давать огласку тем указам, которые (как данный) «поступают в Канцелярию в запечатанном виде, и, в соответствии с этим правилом, – по своей воле или с позволения Академии – хотел бы и дальше издавать на их основе постановления, а оригиналы хранить в Канцелярии» [3. С. 124]. Шумахер пообещал также, что непременно выполнит сенатский указ и будет «советоваться обо всех делах, касающихся наук, с Академией». В подтверждение серьезности намерения (и чтобы подыграть профессорам, принявшим незадолго до этого аналогичное решение) он предло-

жил избрать почетным членом Петербургской академии Вольтера [3. С. 124]. Историческая часть заседания Конференции окончилась, таким образом, компромиссом. Шумахер «обещал», ученые обещания приняли к сведению. В этот же день, т.е. 10 марта, Сенат затребовал у Канцелярии сведения о профессоре И. Вейтбрехте [2. Т. 8. С. 51–52]. Было очевидно: сенаторы намеревались восстановить справедливость также в отношении одного из старейших и заслуженнейших профессоров Петербургской академии. Решение, о котором вскоре стало известно, несомненно, добавило профессорам оптимизма. Слишком долго они ждали того дня, когда правительство по-настоящему обратит внимание на их нужды. Неудивительно поэтому, что они тотчас приступили к строительству новой, демократической Академии.

Уже на другой день после официального объявления указа ученые направили в Канцелярию документ, имевший, скорее, форму ультиматума, нежели обычного служебного циркуляра. Это было письмо, подготовленное Миллером и одобренное Собранием [Там же. С. 52–54]. Ссылаясь на первый пункт сенатского указа, авторы документа требуют «незамедлительного исполнения» следующего. Во-первых, передать им оригинал сенатского указа (который равно касается профессорского Собрания и который Канцелярия по-прежнему удерживает), воздерживаться от подобных необдуманных действий впредь и больше не употреблять «имени академии» в сношениях с другими инстанциями, а также в переписке. Во-вторых, «академическая Канцелярия не должна вмешиваться» в дела Академии (под которыми понимаются «все подчиненные (dependirende)... профессорам департаменты и смотрение (Direktion) над обучением студентов, над обучающимися и обучающимися при гимназии, над информаторами и над работой некоторых ремесленников, в частности тех, которые необходимы для научной работы»), но должна исполнять распоряжения профессорского Собрания. В-третьих, отныне все издания Академии, как-то: ландкарты, проспекты и т.п., прежде чем пойти в печать, должны пройти экспертизу и получить одобрение в профессорском Собрании; Канцелярия лишается права контролировать издательскую деятельность (однако ей разрешается представлять обо всем, что может быть полезно для дела, например, «как... к большей пользе академии» издавать книги или что-либо другое, относящееся к разряду научных публикаций). В-четвертых, ввиду того, что «большие препятствия в... науках проистекали от бывшего до сих пор неправильного ведения книжной торговли», ученые берут это дело и связанную с ним корреспонденцию в свои руки; «канцелярия (же. – В.Т.) оное должна оставить». В-пятых, учитывая, что «большинство принадлежащих к тем или иным наукам лиц находилось до сих пор в ведении канцелярии», необходимо, чтобы последняя огласила сенатский указ также той их части, которая «находится в ведении профессорского собрания», а «другой части этих же людей прислала в академию поименный список» с указанием, какой работой они в настоящее время заняты. В-шестых, если профессорам и раньше вменялось в обязанность докладывать наверх обо всем происходящем в Академии, то теперь, «при настоящих

обстоятельствах», они будут исполнять свой долг с еще большей охотой. Они «об этом канцелярию уведомляют». Наконец, в-седьмых, по всем вышеизложенным пунктам Канцелярии предлагается объясниться с профессорским Собранием в течение 8 дней [2. Т. 8. С. 52–54].

Смысл акции понятен: авторы заявления стремятся завладеть инициативой раньше, чем это успеет сделать Канцелярия. Ученые многому научились. Они спешат установить границы своих (научных) «владений», очерченных в декабрьском (1745 г.) «отчете». Именно в нем впервые был предложен план демаркации, который теперь предстояло реализовать практически (Об этом эпизоде движения петербургских ученых рассказывается в готовящейся к изданию нашей монографии). Вместе с тем в документе просматривается момент, который из сенатского указа прямо не следовал, но который ученые считали, видимо, вопросом решенным. Речь идет о том, кто должен возглавить Академию. Если следовать букве указа, на который ссылаются ученые, то данный вопрос – и соответственно вопрос о праве представлять Академию во внешних, в том числе зарубежных, сношениях – правительство оставляло открытым. Признавалось, так сказать, сложившееся status-quo – не более. Решение о том, кому играть первую роль (равно как и какой быть Академии), было оставлено на усмотрение Двора. Ученые же действуют как настоящие захватчики: *приказ Канцелярии содействовать работе профессоров они истолковали как подчинение ведомства Шумахера академическому Собранию.*

Из содержания документа видно, что ученые не питали иллюзий относительно легкости установления новых порядков. Слишком хорошо они знали Шумахера. Однако решительность, даже агрессивность, с которой они повели себя с первых дней управления Академией, свидетельствовала о неистребимом желании идти до конца. Как разительно отличались действия ученых от тех, которые имели место в 1733–1734 гг.! Тогда им также, согласно инструкции Г.-К. Кейзерлинга, передавались в управление академические дела. Однако особого энтузиазма решение президента тогда не вызвало – власть ученых не была гарантирована [1. С. 85]. Теперь такая гарантия (в виде сенатского указа) появилась, соответственно, изменилось отношение к делу. Ответил ли Шумахер на ультиматум профессоров и, если ответил, что именно, неизвестно. Сведений об этом не сохранилось. Несомненно одно: шеф академической Канцелярии тяжело переживал случившееся. Все последнее время он прилагал усилия для спасения Канцелярии (визит к императрице, ходатайства у обер-прокурора Сената князя Н.Ю. Трубецкого) и, казалось, был близок к успеху. Но все оказалось напрасным. Шумахер обратился за сочувствием к Л. Эйлеру. Ученый ответил 29 марта 1746 г. [2. Т. 8. С. 73–74].

Письмо насквозь иронично. Эйлер радуется поражению Шумахера, которого слишком хорошо знал и от которого сам немало натерпелся во время работы в Петербурге, однако делает вид, что искренне сочувствует советнику – расхваливает его достоинства и пытается утешить. Мне, пишет ученый, «приятно было слышать, что... господа профессора наконец начинают отставать

от прежнего своего намерения, которое склонялось к разрушению академии». В «...происшедших столь многих внутренних несогласиях и противных друг другу представлениях не удивительно, что и самые лучшие диспозиции высоких патронов бесплодны учинились. Мы живем здесь в весьма в иных обстоятельствах; но если бы такие ссоры случились у нас, то б академия, несомненно, скоро разрушилась» [7. С. 85–87]. Шумахер распорядился сделать выписку из письма, перевести ее на русский язык и внести в журнал Канцелярии [Там же. С. 86]. Кажется, он не разглядел скрытой иронии. Последнее обстоятельство свидетельствовало о том, что шеф академической Канцелярии явно пребывал в состоянии глубокого душевного потрясения. (Можно, правда, предположить, что он сознательно закрывал глаза на ироничный характер письма, полагая, что другие его также не заметят. Ибо, если подойти к документу формально, его содержание вполне можно истолковать как сочувственное в отношении Шумахера и осуждающее в отношении профессоров.) Примерно в это же время, 10 апреля, В.Н. Татищев упрекал Шумахера в том, что тот не отвечает на его письма («Мне есть не без удивления, что я от вас на мои письма ни на одно ответа не получил») [8. С. 319].

А между тем ситуация продолжала ухудшаться. 12 марта Шумахер получил написанное в резких выражениях («я советую вашему благородию...» и т. п.) письмо от профессора Вейтбрехта, в котором последний требовал незамедлительно отослать в Сенат справку по его делу [2. Т. 8. С. 55–56]. 17 марта последовал новый удар. В Академию поступил сенатский указ, являвшийся ответом на некоторые пункты «отчета» профессоров от 11 декабря 1745 г. и направленный, несомненно, против шефа академической Канцелярии и его зятя И.-К. Тауберта. Согласно его содержанию впредь запрещалось использовать «служащих людей (Академии. – В.Т.) для частных услуг» [Там же. С. 62–63]. 19 марта Сенат потребовал от Канцелярии объяснения: по чьим указам ученые производились в профессора [Там же. С. 64–65]? Наконец, 7 апреля произошли события, доставившие шефу академической Канцелярии, пожалуй, самые большие неприятности.

В этот день в Академию поступили два новых указа. Первый (сенатский) определял порядок выдачи жалованья профессорам, адъюнктам, информаторам, переводчикам и прочим академическим служащим, находящимся в ведении профессорского Собрания. Отныне они должны были получать его в Статс-Конторе [Там же. С. 75–77]. Таким образом, Канцелярия лишалась главного инструмента своей власти – финансов. Шумахер «надобных себе привлекал выдачею наперед или прибавкою жалованья, а других томлением, удерживая оное, сегодня того лаская, кого угнетал вчерась, переменил, как понадобится», – свидетельствовал М.В. Ломоносов [9. С. 45]. Второй (автором его была Императорская Канцелярия) – требовал передачи на рассмотрение Двора материалов Второй камчатской экспедиции [2. Т. 8. С. 78]. Самым неприятным для Шумахера было то, что документ адресовался непосредственно академическому Собранию. Ученые, таким образом, получили признание на государственном уровне. На письмо Вейтбрехта Шумахер не ответил совсем, по-

считав, видимо, унижительным для себя подчиниться требованию профессора (как некогда профессора считали унижительным для себя «быть у библиотекаря в товарищах»). Ученые взялись решить вопрос самостоятельно. 14 марта от имени Собрания Миллер дал положительную характеристику на Вейтбрехта [2. Т. 8. С. 61]. На сенатский запрос о порядке производства соискателей в профессорское достоинство шеф академической Канцелярии сообщил, что «такого слушача еще поныне не бывало, чтобы кто без президента от профессорской конференции из адъюнктов в профессора представлен был» [Там же. С. 65]. Это упоминание о президентах, о которых в Академии стали уже забывать, не было случайным.

Трезво оценив ситуацию, в которой перспектива обуздания вышедших из повиновения профессоров не просматривалась, шеф академической Канцелярии решил ввести в игру новую фигуру – президента. Конечно же, он лукавил, утверждая, что вопрос о профессорстве находился в исключительной компетенции президентов Академии. В данном случае президент лишь формально утверждал решение, принятое в профессорском Собрании. П.-Л. Леруа, подготовившему по поручению Собрания соответствующую справку, не составило труда разоблачить эту ложь [Там же. С. 82–84]. Однако ход был сделан. Идея президентства была реализована и, по всей видимости, начала обретать конкретные очертания. И в этой, казалось бы, безнадежно проигранной ситуации Шумахер вновь – в который раз! – проявил себя стойким и изобретательным противником. 12 марта на академической Обсерватории случился пожар, наделавший много шума в городе и возбудивший внимание Двора. Явления для Петербурга нередкие, пожары, как правило, не вызывали продолжительного интереса. Однако этот выходил за рамки обычного, так как случился в Академии. Не исключался, по всей видимости, поджог.

Шумахер был вызван в Кабинет, где его подробно допросили о случившемся [Там же. С. 59–60]. По окончании допроса шефу академической Канцелярии было приказано подать «репорт» относительно причин пожара и нанесенного им ущерба, а заодно представить «копию с указа правительствующего сената о профессорах сего марта 6-го числа» [Там же. С. 59–60]. Последнее обстоятельство указывало на то, что, как и Сенат, Кабинет не собирался уходить от проблем Академии, которые давали о себе знать вот уже много лет и давно переросли рамки обычных. Шумахер попытался взвалить вину за случившееся на Делиля. На это, в частности, указывают вопросы, заданные им на допросе в Канцелярии истопнику Матвею Дьякову, а также надсмотрщику Г.-И. Боку и канцеляристу Михаилу Иванову [2. Т. 8. С. 57–58, 59]. Однако усилия ни к чему не привели. В результате в составленном по итогам расследования заключении было признано, что пожар «током от того сделался, что из печи выскочил уголь или искра...» [Там же. С. 60–61]. Случай, однако, оказался весьма симптоматичным с точки зрения описываемых событий. В частности, он свидетельствовал о том, что шеф академической Канцелярии не сложил оружие и только ждал момента, чтобы ринуться в атаку вновь.

29 марта Шумахер извлек на свет документ, заготовленный в январе 1746 г., – обращение в Сенат с просьбой делегировать Канцелярии право на заключение контрактов. Тогда, в январе, документу не был дан ход: шеф академической Канцелярии решил, что время для решительных действий еще не пришло. Время было выбрано не случайно – в Академии появилась новая власть, а решать академические проблемы (например, заключать те же контракты) по-прежнему было некому. Президент в Академии отсутствовал, а полномочия Канцелярии были теперь неясны. В то, что ученые станут составлять и подписывать контракты самостоятельно, сами с собой, верилось с трудом, и шеф академической Канцелярии решил напомнить правительству о проблеме. «...Канцелярия академии наук, – писал он, – для Ее И[мператорского] В[еличества] высокого интереса и государственной пользы, также для получения спокойствия и тишины при академии, у правительствующего сената нижайше просит такого повеления и указа, дабы... с ними, академическими профессорами, новые контракты заключить; буде же которые из них сего учинить не [за]хотят, то их от академии уволить, а на их места, по усмотрению нужды, других принять» [2. Т. 8. С. 72].

Преследуя вполне конкретную цель, Шумахер вновь подводил правительство к мысли о необходимости скорейшего приискания президента. Он, следовательно, правильно оценил сложившуюся ситуацию как абсурдную: властей в Академии стало больше, а пользы от них не прибавилось. Шеф академической Канцелярии был незаурядным чиновником. Шумахер превосходил правительственных функционеров прежде всего в скорости и точности мышления. Пока те решали, какой быть Академии, он уже твердо знал: нужна дееспособная власть. Такой властью могла быть власть Канцелярии. Однако ею могла стать и власть, например, президента. Вопрос, таким образом, вновь возвращался к прежней теме. Указывая правительству на

промахи в работе, шеф академической Канцелярии решал, таким образом, сразу две задачи: личную – возвращение к власти академической бюрократии – и государственную – восстановление в Академии «спокойствия и тишины». С этой целью он нанес визит важной особе.

В Академии было известно о влиянии барона И.А. Черкасова на императрицу; знали там и о его сочувственном отношении к профессорам. Не удивительно, поэтому, что шеф академической Канцелярии, всегда чутко реагирующий на колебания придворного рынка фаворитов, также стал искать дорогу к всесильному кабинет-секретарю. Совсем недавно, во время допроса по случаю пожара, он имел случай непосредственно общаться с бароном и рассчитывал, по всей видимости, с его помощью попасть на прием к императрице.

Повод для визита вскоре представился: из Кабинета потребовали «подать письменное известие, по чьему приказу или по какому указу генеральная карта Российской империи при академии сделана и напечатана» [2. Т. 8. С. 87]. От Канцелярии требовалось только письменное известие, Шумахер принял решение явиться лично. 16 апреля он прибыл в Кабинет и, как свидетельствует документ, между прочим «вручил его превосходительству на белом атласе сделанную генеральную карту для всеподданнейшего поднесения Ее И[мператорскому] В[еличеству]» [Там же. С. 89]. Визит в высокую инстанцию оказался, однако, неудачным. Попасть на прием к императрице, как рассчитывал Шумахер, не удалось. Пришлось удовлетвориться передачей карты «его превосходительству» – кабинет-секретарю. Стало ясно: академическая бюрократия потеряла окончательное поражение и должна привыкать к новому порядку вещей. Шумахер отступил. Ситуация оставалась неизменной до конца мая 1746 г., когда произошло событие, вновь круто повернувшее колесо академической истории.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Турнаев В.И. У истоков демократических традиций в российской науке. Очерки истории русско-немецких научных связей. Новосибирск, 2003. 200 с.
2. Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–10.
3. Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2. 886 с.
4. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. 472 с.
5. Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. 774 с.; 1873. Т. 2. 1042 с.
6. Пекарский П. Отчет о занятиях в 1863/64 годах по составлению истории Академии наук // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. VII. Приложение. № 4.
7. Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers. Briefwechsel L. Eulers mit Nartov, Rasumovskij, Schumacher, Teplov und der Petersburger Akademie 1730–1763 / Unter Mitwirk. v. P. Hoffmann, T.N. Klado u. Ju.Ch. Kopelevič. Brl., 1961. Т. II. 463 S.
8. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990. 439 с.
9. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / глав. редакция издания: акад. С.И. Вавилов (гл. ред.), чл.-кор. АН СССР Т.П. Кравец (зам. гл. ред.) и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 10. 934 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2011 г.